

К

ожаный плащ с шикарнейшей песочной опушкой на статной фигуре Маргариты сидел идеально, и сапоги — с последней распродажи. И сумка с желтыми металлическими бляшками — новая. Но, войдя в квартиру, взглянула Маргарита на себя в зеркало и губу прикусила, чтоб не разреветься. Швырнула сумку мимо тумбочки, сапоги у двери бросила.

— О! Наша мама что-то не в духе! Сын, берегись, — попытался шутить супруг, вышедший ей навстречу.

Маргарита скользнула по лицу Григория холодным взглядом, отметив при этом слишком игривый блеск глаз мужа (видно, уже принял для настроения), наскоро запихнула плащ в шкаф и молча прошла мимо, заметив по ходу его стертые шлепанцы на босу ногу (не хочет новые тапки надевать, хоть кол на голове теши).

— А ужинать? — не унимался Григорий, следуя за ней из передней на кухню. — У меня к твоим пирогам сазан получился — высший пилотаж! Если б не я, наследник до конца б его прикончил.

— Да не верь ты ему, мам! Это я от него сковородку прятал, чтоб последний

кусок не сташил! — выглядывая из комнаты, поддержал игривый тон отца Максим, семнадцатилетний отрок с пышной шевелюрой и легким, еще детским румянцем на круглых щеках.

— А коньяк ты от него не спрятал? — обронила Маргарита и пожалела об этом.

Григорий шутки не принял, взглянул строго:

— Это еще зачем? Вон стоит. Можешь проверить.

— Тогда наливай! Ужинать не хочу, а стопарик выпью. Повод есть.

— Сама наливай, раз такая...

Муж отвернулся от нее и зашаркал из кухни в комнату, к дивану.

Она не стала спорить. Подошла к мойке, вымыла руки и долго тщательно вытирала их, разглядывая вафельное полотенце с китайскими иероглифами, будто пыталась прочесть написанное.

В кухню влетел сын, схватил с блюда на столе пирожок, куснул по-мужски — половину за раз, и с набитым ртом:

— Ма! Я к Мишке!

Она кивнула, сын сгреб все, что было на блюде, — как в руках поместилось! — и ринулся в переднюю.

— Стой! Кулек хоть возьми! И чтобы я тебя не вызванивала. Через два часа — домой!

— Ну, ма-а-а-а... — дверь за сыном захлопнулась так быстро, что впору заволноваться, не зашибло ли его...

Маргарита постояла, не решительности, потом открыла дверцу шкафа, достала крохотную рюмку и початую бутылку с коричнево-золотой наклейкой. Коньяк был теплым, но она с удовольствием задержала в горле дразнящее послевкусие: «Хороший коньяк Григорию подарили. Настоящий. Вера, наверное, только такой всю жизнь пила...»

Вера Абаринава с первого класса была лучшей подругой Маргариты. Обе они в то время — дылдошки, на полголовы выше одноклассников, обе с косичками и бантиками, обе хохотушки. Только Маргарита в мелких веснушках на носу, а Вера — смуглолицая. Маргарита — голубоглазая, с белесыми бровками и густыми короткими ресницами, а у Веры — подлинными бровями огромные карие глаза.

До пятого класса подружки ходили круглыми отличницами. В старших классах с учебой у Веры стало похуже, из отличниц она перешла в разряд хорошистов, а потом и тройки посыпались, особенно по физике. А все потому, что Вера все чаще пропускала школьные занятия — влюбилась в исторические романы. Про Айвенго, князя Серебряного, Анну Ярославну читала так — чтобы в удовольствие, не глядя на часы и не вспоминая про всякие мамины приказы, вроде: «Ложись пораньше! Опять школу проспичь!» Бодрячок-будильник, заводимый родительской рукой перед уходом на работу, доверия Вериной мамы не оправдывал.

Маргарита же ревностно собирала в дневник «пятерки», перед концом четверти усердно высчитывала четвертные и не успокаивалась, пока не выходило в табели «отлично» по всем предметам.

Обе девочки росли в семьях без отцов. Маргарита — единственная дочь Елизаветы Михайловны Гребцовой, передовой швеи фабрики «Салют», уважаемой на производстве мастерицы по пошиву женской одежды, однако так и не сумевшей привить дочери любовь к рукоделию. Зато Вера не раз обращалась к ней за советами.

В семье Абариновых на материнском попечении было трое детей. Ирина Николаевна, мать Веры и двух ее братьев, имела высшее педагогическое образование, работала в Доме пионеров и, чтобы прокормить детей, тянула три ставки. Когда Вера в четырнадцать лет пришла на школьную дискотеку в модных брючках и маленьком кокетливом жилете, только Маргарита знала, как долго пришлось моднице перелицовывать ткань старого концертного платья, отпаривая, выглаживая ее, а потом вышивать черным бисером жилет и клешенный низ брюк.

Несмотря на все большую разницу в отношении к учебе, ничто не могло помешать их дружбе. Обиды случались, но уже через короткое время обязательно находилась повод помириться. И Вера мчалась к Рите с новой книжкой или неподшитой юбкой, которую срочно нужно выровнять по длине. А Маргарита — стремилась рассказать подруге, как здорово разыграли физичку! И какая контрольная грядет в ближайшие дни.

В младших классах они гоняли по улицам на велосипедах, ходили в библиотеку или целыми днями рисовали кукол и наряды для них. В старших — рисовали брови на лице Веры, потому что собственные Рита сбрила, вычитав где-то, что так поступали все знаменитые красавицы начала прошлого века. Вера любила задавать неожиданные вопросы и озадачивать ими подругу. Маргарита охотно включалась.

— Рита, а что для тебя время? Вот на что оно похоже из окружающего? С чем бы ты его сравнила?

— С песком, который сыплется сквозь маленькую дырочку.

— Фи, как банально. Песочные часы, что ли? Это и дурак скажет.

— Ну, и на что похоже время? — скептически-угрожающе вопрошала Рита.

— На крысу!

— Что?!

— Так считали древние индусы.

— Да не ври ты! — хохотала Рита, и, не в силах сдержаться, вслед за ней покатывалась со смеху Вера.

— Вот представь себе, невежда, время — это крыса! Почитай древнюю книгу Махабхарата.

Им всегда было весело вдвоем. Спорили, что важнее для человека — любовь или дружба. И загадывали будущее: каким оно будет, и какими они станут...

И ни одна из них не могла предположить, что после окончания школы они потеряют друг друга на тридцать лет. Маргарита и Вера не встречались, не переписывались, почти ничего не знали друг о друге. Маргарита не покидала родной городок на Кубани, Вера стала москвичкой. И вот однажды в воскресное утро в квартире Маргариты раздался телефонный звонок:

— Ритуль, это я, Веруська... Да! Конечно! Бывшая Абаринава... Я так хочу увидиться! Ты сможешь сегодня? Давай вечером в кафешке! Как раньше, у школы...

В «Блинную» Маргарита шла как на экзамен. За эти годы она не раз представляла, как увидится с подругой. То и дело оказываясь рядом с их любимым кафе или проходя мимо школы, мимо углового двухэтажного дома, где жили Абариновы, загадывала, сможет ли когда-нибудь погово-

речь со школьной подружкой? Потом ее терзания переросли в стойкое убеждение: не нужно больше думать о Вере, не нужно вспоминать про нее... А все потому, что не сложились больше ни с кем из знакомых такие доверительные отношения, какие были с Верой, которая ушла когда-то, наскоро попрощавшись.

— Так и будешь с бутылкой в обнимку всю ночь сидеть?

Маргарита вздрогнула от голоса мужа — и неожиданно просияла ему навстречу:

— Гришунь, ну, не ворчи, а? Возьми рюмочку, посиди со мной. Знаешь, какой вечер сегодня! Я его тридцать лет ждала...

Григорий недоверчиво хмыкнул, но рюмку достал, сел за стол, подождал, пока Маргарита разольет коньяк, вздохнул:

— ...С этого момента поподробнее и обязательно опиши внешность.

— Кого?

— Того самого типа, которого ты тридцать лет ждала, и... хватило ж тебе совести передо мной в этом признаться!

— Гриш, я серьезно. Я ведь с Верой сегодня встречалась. Помнишь, рассказывала тебе о своей подруге детства?

— Которая уехала из города, влюбившись до потери сознания? Ты еще так хотела увидеть этого Вадима, хотя бы на фотографии...

Маргарита кивнула, подвинулась ближе к мужу и, прижавшись, не отпуская его руку. Если б Григорий мог представить, что значило для нее тогда лишиться Веры...

После окончания школы Маргарита поступила в университет на социологический, а Вера — на факультет промышленного дизайна. Она училась на очном отделении института, Маргарита же после первого курса перевелась на заочку: к тому времени тяжело заболела мама. Вот с тех самых пор жизнь начала проверять надежность их дружбы.

Работала Рита лаборанткой на факультете. Чтобы обеспечить большую лекарствами, по вечерам мыла посуду в кафе «Серебряный дождь», которое располагалось в подвале старинного двухэтажного дома, а дом этот считался памятником архитектуры начала прошлого века. Мало того, что за кафе закрепилась дурная слава, мол, только мужской пол там собирается (Маргарита чувствовала себя неуютно среди ломучих официантов и поваров), но и комитет по охране памятников постоянно устраивал проверки, как правило, в виде бесплатных корпоративов. Лишь на хозяина кафе, который метался между бандитами и чиновниками, одинаково разоряющими его бизнес, Маргарита смотрела с сочувствием. В ответ бывший главный конструктор машиностроительного завода в конце рабочей смены тихонько совал ей пакет с продуктами: «Это маме в больницу...»

Через три месяца, в самую короткую летнюю ночь, кафе сожгли. Запах гари, казалось, впитался даже в раскаленные камни мостовой вокруг здания. На следующий день после пожара, с трудом отворив старинную дубовую дверь, Маргарита вошла внутрь и застыла у лестницы, ведущей в подвал, ступени которой вместе со стенами еще вчера были обтянуты велюровым ультрамарином, а сегодня — лишь оголенный бетон в грязных клочьях пожарной пены. Сделала несколько шагов, спустилась до середины лестницы. В открывшемся проеме по всему полу смоляные лужи, вместо лучистых электрических нитей — махровая сажа стен, точно в могилу заглянула...

А через месяц Маргарита смотрела уже в предстоящую могилу. В глиняную яму опускали мамин гроб, обитый красным сатином. Десятка полтора бывших работниц давно обанкроченной швейной фабрики «Салют», друг за дружкой бросив по горсти земли, накрыли затем быстро подсыхающий на жарком солнце холмик поминальным венком. И Маргарита положила на могилу жесткие бумажные розы рядом с табличкой «Елизавета Михайловна Гребцова 03.01.1946 — 23.07.1995».

А в это время Вера Абаринова отдыхала у родственников в маленьком черноморском поселке, там она и встретила своего москвича. Крепыш с гагаринской улыбкой, Вадим окончательно покорила ее тем, что оказался студентом историко-архивного университета и знал все про Айвенго, князя Серебряного и Анну Ярославну — королеву Франции. В родной город Вера вернулась невестой. Но лишь затем, чтобы представить Вадима семье и собрать вещи. Вадим увозил Веру в Москву.

Маргарита узнала об этом чуть ли не последней, когда Вера заскочила к ней попрощаться. «Неужели она не понимает, что значит потерять маму и остаться без подруги?» — у Маргариты щипало глаза; чтобы скрыть это, она поднимала брови и хлопала ресницами, будто удивлялась каждому слову тараторившей подруги. «Конечно, в книжках существует любовь с первого взгляда. Но ведь жизнь — это не библиотечный роман о благородных рыцарях», — хотелось ей остановить Веру, но она промолчала, только слушала.

А каждая фраза Веры начиналась с имени Вадим. Верочка не могла остановиться, перечисляя достоинства своего избранника, из которых Маргариту резануло:

— С ним так интересно и весело! Он столько знает!

«Конечно... а мне завтра поминки девятидневные собирать...»

— ...Знаешь, Гриш, этот самый Вадим действительно оказался главным для Веры. Самым-самым главным и нужным человеком на земле. Она так сказала. И всю жизнь они вместе... Да, тридцать лет.

— А чего вздыхаешь? Значит, осталось им еще три года — и как в сказке: «Жили старикан со старушенцией ровно тридцать лет и три года и нажили дырявое корыто...»

— Да не ерничай ты! Я серьезно с тобой разговариваю.

Маргарита отбросила руку мужа, а он замер, точно ударившись...

— А тебя такой давно не видел.

— Я устала от твоих театральных замашек! У меня тоже есть нервы! Я не лицедействую, а пытаюсь рассказать тебе о себе, слышишь?

— Тише-тише-тише... Вот это уже лишнее, вот этого не надо!.. Я же не знал, что вы с Верой, как Ахилл и Патрокл... нет, как Эвтидик и Дамон. Помнишь, про них у Лукиана? Эвтидик бросился в море спасать своего друга Дамона, того в бурю смыло с кормы корабля — верная смерть обоим... — Муж вздохнул, погладил ее по плечу. — Эвтидик и Дамон спаслись. Даст Бог, и вы с Верой заново подружитесь.

Маргарита снова отстранилась от мужа:

— Опять смеешься? Ну, при чем здесь твой Лукиан!.. — Она даже покраснела от возмущения. — Вера в море не кидалась. Хотя... я б на ее месте, наверно, не выжила! И без Веры я бы не выжила...

Кажется, Маргарита испугалась произнесенных слов. Разве не пыталась она, измаявшись одиночеством после смерти матери и скоропалительного замужества подруги, забыть ее? Даже имя «Вера» бросало ее в дрожь.

Чем больше проходило времени после Вериного отъезда в Москву, тем тверже Маргарита осознавала предательство подруги... «Ну, как она могла так поступить со мной?! В мою самую страшную минуту...»

Маргарита работала на кафедре социологического факультета, с утра до вечера носилась со списками, распоряжениями, программами, ныряя из одного аврала в другой по причине переаттестации университета. По вечерам возвращалась в пустую квартиру и после короткого ужина забиралась на диван; обложившись книжками, начинала делать выписки для курсовой, но уже через полчаса засыпала от усталости. Ее научный руководитель, декан факультета Вячеслав Петрович Чувашов (рассудительно-спокойный, седеющий брюнет с длинным сухим лицом, мягкой линией плеч и по-крестьянски широкими большими ладонями; возможно, по этой причине руки во время разговора он держал за спиной), определил тему, обещавшую перерасти в будущую дипломную работу: «Проблемы маргинальности в современной России».

— Н-да, Риточка, — многозначительно произнес он, и усталые серые глаза его сощурились, словно взглянули внутрь себя, — таковы нынешние реалии. Число маргиналов увеличивается. Все это результаты кризиса. Беда только, что в случае маргинального человека период кризиса относительно непрерывный. Вот мы и имеем тенденцию превращения личности в тип... Тема актуальная и многогранная. Будем работать. Для начала почитайте американцев Парка и Стоунквиста. И сравните с европейской традицией определения маргинальности. Вот задача вашей курсовой работы.

Но не только курсовая занимала Маргариту; одновременно она не могла не вспоминать и то, что касалось опять же Вячеслава Петровича: вот уже месяц намеки и шушуканье за спиной преследовали Маргариту.

Начал «песню» Арсений Савельевич, шестидесятилетний профессор и виагровый ловелас, которого знали в городе как облупленного. Вдруг проникся он особым чувством к Рите и стал «открывать» ей глаза. Каждый раз, заходя в кабинет, где сидела девушка, он, по-лисьи улыбаясь, приглаживал редкие волосы на макушке и начинал с вопроса: «Ну, как? Вячеслав Петрович уже объяснился?» Видя недоумение на лице лаборантки, продолжал доверительным шепотом: «Вся кафедра об этом говорит! Декан в вас влюблен! Ну, как же вы не замечаете? Или вы такая бессердечная?!»

Она бы не прислушивалась к его речам, если б к Арсению Савельевичу не присоединились некоторые преподаватели кафедры, вслед за ним они повторяли: «Маргарита, наш декан в вас влюблен!»

Словосочетание «влюблен в вас», оказалось, имеет над человеком реальную власть. Вначале Маргарита не понимала этого, но постепенно под воздействием хора «доброжелателей» стало меняться ее отношение к Вячеславу Петровичу.

Впрочем, независимо от мыслей и переживаний Маргариты, все активнее менялась окружающая жизнь. Взлетали цены, бесконечно чередовались премьер-министры, в скверах пили паленую водку юные ветераны необъявленных войн.

С каждым днем все больше страшилась Маргарита своей незащищен-

ности и все острее чувствовала одинокость. «Влюблен в вас» вживлялось в нее, сопровождаемое страхом: неужели это и есть первое чувство к мужчине? Маргарита пыталась разобраться в себе, выстраивать, обдумывать свою дальнейшую жизнь — и не могла определиться. И хотя все больше места Вячеслав Петрович занимал в мыслях Маргариты, никаких шагов к изменениям в их отношениях она не делала.

Чувашов же становился более галантен. Несколько раз он подвозил ее на своей старенькой, но очень ухоженной «Волге». И подчеркнуто вежливо прощался у подъезда, а Маргарита, чтобы на следующий день у нее был повод обратиться к декану, бежала домой писать курсовую. Погружаясь в проблему маргинальности в России, она и у себя самой обнаруживала ощущение неприспособленности, неудачливости, и еще «беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение» — все то, чем и определяется маргинальность... «Если так пойдет дальше, недалеко до «отчаяния». Может, все влюбленные — маргиналы? Но при чем тогда разрушение «жизненной организации, бессмысленность существования...»

Увы, и эти определения не были чужды Маргарите: страна все больше впадала в кризис. «Может, он специально дал тему? Увидел, что я внутри проблемы!.. И треплет из жалости за щечку».

«Воспитывайте в себе ученого, не ленитесь исследовать жизнь, будьте наблюдательны!» — говорил ей Вячеслав Петрович. Она наблюдала. Под прицелом поставленной темы маргиналы встречались ей на каждом шагу.

— Понимаете, Вячеслав Петрович, мы живем в стране маргиналов! Я уже себя иначе, как стопроцентную маргиналку, не ощущаю! У меня крыша едет от бомжей, нищих, безработных, от никому не нужных инженеров, ученых, токарей-слесарей высшей квалификации, от художников без холстов, красок и мастерских!

— С художниками поосторожней. Трагизм здесь усиливается тем, что от лжепророков их отличить архисложно. От тех, кто «заблудился» сам и дает ложные ориентиры другим. А это, да будет вам известно, — дезориентация, и она разлагает культуру. Но, увы, для различения пророков и лжепророков у культуры надежного критерия нет. Так что, дорогая моя, вы не должны терять разум. Помните, что все процессы имеют свой корень во времени. Исходите из этого!

Корень во времени... Пришел день и грянул гром, возросший из того самого корня. Все случилось после командировки, в которой Вячеслав Петрович был вместе с юной лаборанткой. По дороге в соседнюю область, где должна была состояться очередная социологическая конференция, институтский «жигуленок» вдруг зачихал; шофер едва успел вывернуть на обочину, как он испустил клуб дыма и замер.

Шофер остался возиться с двигателем, а Вячеслав Петрович и Маргарита двинулись по прилегающей полевой дороге, обсаженной пирамидальными тополями, в сторону живописно раскинувшейся на лысом холме деревушки. Вечерело. Из труб поднимались дымы, во дворах мычал и блеял скот, и казалось, что в каждом доме хозяйки выставляют на стол для ужина картошку, соленые огурцы и крынки со сметаной.

Невозможно представить более удобных обстоятельств для сближения мужчины и женщины, чем те, в которых оказались преподаватель и студентка. В голове у Маргариты стучало: «Он любит. Вячеслав Петрович любит меня! Об этом знает вся кафедра. И наверняка поломка машины подстроена нарочно!»

По невероятной телепатической связи эти ее мысли услышал и Арсений Савельевич, тот самый ловелас и пройдоха, убеждавший коллег в любовной связи декана и студентки. Он слово в слово повторил на заседании кафедры, бросая в лицо Вячеславу Петровичу, что, мол, никакой поломки не было и что подобное поведение несовместимо с занимаемой им должностью.

— Вы должны написать заявление по собственному желанию! Вы не можете больше возглавлять кафедру. Шофер рассказал, чем вы там занимались вместо того, чтобы защищать честь университета на конференции! И это во время аттестации вуза!.. У меня есть доказательства! Я не бросаю слов на ветер! — захлебывался Арсений Савельевич.

Скандал принял невероятные размеры. Супруга Вячеслава Петровича принесла и бросила в лицо Маргариты любовные письма, якобы написанные ею. Сам Вячеслав Петрович подтвердил, что получал их регулярно... И тогда стало понятно: Маргариту использовали ради смещения декана с должности. Но могла ли она признаться ему, что не писала писем? Значит — не любила; и там, в глухой деревушке, их страстные поцелуи — лишь заранее придуманное в чужой голове коварство...

«Если я признаюсь, что никогда не писала этих писем, Чувашов останется в полном одиночестве и не выдержит ударов... и его жена все равно не поверит мне, и никто не поверит, потому что они все сговорились!»

А события развивались с космической скоростью. Вячеслава Петровича уволили, кафедру вскоре закрыли, и все помещения передали в собственность юридической фирмы, возглавляемой племянником Арсения Савельевича. Сам он, как потом узнала Маргарита, в результате всей этой аферы получил квартиру в центре города.

Супруга Чувашова в праведном гневe выгнала безработного Вячеслава Петровича из дома. И он переехал к Маргарите.

В тот год зима на Кубани выдалась ветреной и дождливой. Мелкие холодные струи текли и текли по оконному стеклу... Медленно. Как минуты и часы. Вячеслав Петрович ссутулился, еще больше поседел.

— Не надо бояться конца жизни. Намного страшнее, если жизнь так и не началась... Мы не успели достроить дом — а его разрушили. И кто?.. Знаете, Рита, таких людей, как Арсений, будет все больше... А я — старый идиот!

Маргарита боялась его откровений. В такие минуты он снова говорил ей «вы». И было понятно, что выстроить новую жизнь пытаются два чужих друг другу человека.

— То, что случилось со мной и моей кафедрой, лишь маленькая копия происходящего со страной. Частичка процесса, вы слышите? Необратимого разграбления и осквернения... Я должен был... Глупец!

«Ты должен... жениться на мне, — Маргарита грустно улыбалась собственным мыслям. — Должен... но был...»

Через полгода Вячеслав Петрович умер от инсульта на ее кухне в тот момент, когда она садаяла в лобович его золотые дарственные часы. На похоронах, прожигаемая взглядами родственников и бывших коллег покойного, Маргарита не посмела приблизиться к обитому синим бархатом гробу...

— Ну, чего ты реवेशь?.. — Григорий приобнял Маргариту за талию, потянул к себе. — Я же рядом!

Жена отстранилась, всхлипнула.

— Может, все-таки поужинаешь? — Григорий подошел к плите, приподнял запотевшую крышку. — Ты только понюхай! Я ж для тебя старался.

Пока Маргарита, изредка всхлипывая, разбиралась с сазаньими косточками, Григорий заваривал чай, доставал варенье, вафли и пытался отвлечь-развлечь жену:

— Мадам, у вас явно больной вид. Неужели вас так опечалили увядшие розы, которые стоят в спальне с прошлогоднего Восьмого марта?.. Или ты поняла, наконец, какое несчастье не быть муми-троллем, пробудившимся ото сна и пляшущим в зеркально-зеленых волнах, пока восходит солнце?.. А может, случилось банальное отравление? Чем, если не секрет?

— Реальностью. — Маргарита отложила вилку и улыбнулась.

— Ваша реальность ядовитей несбыточной мечты о мумитроллевом счастье?

— Вернуться бы в детство, когда по-настоящему счастлив был от того, что тебя просто выпустили гулять на улицу... с Верой.

— А еще с Надеждой и Любовью. — Григорий понимающе хмыкнул, чуть помедлив, повернулся к выключателю и щелкнул клавишей — жидкий полумрак сузил пространство. Чиркнул спичкой — огонек свечи вырос в толстом стеклянном подсвечнике, который держали на кухне для задушевных бесед-чаепитий и на случай отключения электроэнергии.

— Ну, и кого ты еще сегодня вспомнишь, кроме своей Веры? — закручивая воображаемые усы, муж встал рядом.

Она ткнулась виском в его живот:

— Да помню, помню... Но не так, как ты себе думаешь. Меня покорила не твой орлиный взор, а пламенная речь... И если б ты не говорил тогда о маргиналах...

— Ритка, ты же знаешь, если б не наша встреча... да мы оба уже умерли бы! Я говорил свою речь после того, как режиссер водрузил на сцене широчайшую скрипучую кровать, а ставили «Женитьбу» Гоголя, и решил наш Ник Ник на этой кровати «пробовать» женихов. Это называлось «новое прочтение классики». Для показа прыщавым школьникам.

— А ты грудью закрыл... И тебя уволили из театра... И ты кричал, что со времен Антисфена Афинского, со времен киников... Короче, полный бред.

— А вот тут и видно твое «заушное» образование! Иначе ты бы не забыла, что именно киники призывали избавляться от всего лишнего и бесполезного. Для достижения блага следует жить, сочетая и простоту жизни, и презрение к условностям, а еще верность и храбрость!

Уж про храбрость Маргарите напоминать не надо. Интервью с опальным художником газета, в которую после смерти Вячеслава Петровича Чувашова устроилась работать журналисткой Маргарита, разместила почти на разворот, и оно наделало тогда много шума в их городке. «Новое прочтение классики» удалось отменить, кровать сдали в утиль... Но художнику, засветившему закулисье, путь в любой театр был закрыт. И как они вместе с Григорием сочетали тогда простоту жизни и небрежение ко всяким житейским благам, Маргарита помнила очень хорошо.

Потому и вырядилась сегодня в новые сапоги, чтоб перед Верой лицом в грязь не ударить. Ведь по давнишним рассказам матери подруги (с ней они иногда сталкивались в городе), Вадим, муж Веры, работая в Ми-

нистеров транспорта, с первых перестроечных лет уверенно пошел в гору. Он сумел стать во главе большой транспортной компании, доставляющей грузы для Крайнего Севера, как только представилась возможность приватизировать предприятие.

— Между прочим, в эпоху классицизма маргиналом был объявлен даже Шекспир! Так что такие мы, маргиналы, люди дна и обитатели окраин...

— Гриш, не дави интеллектом, а?! Мне сегодня...

Она не договорила, потому что и сама не понимала, что нужно сказать мужу и как объяснить, что же на самом деле случилось сегодня...

— А я чаю еще хочу! — Маргарита успела опередить вопрос мужа, и он коротко, но выразительно вздохнул:

— Мне уйти? Не хочешь ничего рассказывать?

— Моя мама Веру очень жалела, потому что она слабая.

— А ты здесь при чем?

— Вот сегодня я ... вырядилась, как индийская принцесса, и поперлась на встречу в кафе! А Вера даже не взглянула на мои наряды. Ахнула, прижалась ко мне!.. Худенькая, слабая... Знаешь, давным-давно Вера рассказывала, что по индусским верованиям время — это крыса. Тогда мы смеялись, а сегодня плакали, — Маргарита встала из-за стола. — Ты сейчас сам все поймешь, сейчас!

Она быстро вышла из кухни и вернулась с потертой книжкой в руках.

— Вот, прочти, — щелкнула выключателем, слегка поморщившись от яркого света, протянула мужу раскрытую на закладке страницу. — А я пока посуду уберу. Поздно уже...

— Любопытно...

Григорий прочитал название — «Махабхарата». На титульном листе дарственная надпись: «Риточке от Веруськи. С Новым 1980 годом!» Пробежал по заложённой странице: «...отшельник ... Джараткару питался воздухом и воздерживался от еды». Григорий привычно попытался подобрать шутливую рифму к заикастому названию книги, но взглянул на серьезное лицо жены и прерывающе уже внимательно:

«Однажды отшельник тот увидел своих предков, которые висели в яме вниз головами, держась за стебель травы, от которого осталось одно только волокно, и крысу, поселившуюся в яме, которая медленно поедала то волокно. Подойдя к ним, висевшим в яме без пищи, жаждущим избавления, Джараткару с печальным видом сказал им: «Кто вы, висящие здесь, держащиеся за стебель травы? Какую услугу я могу оказать вам?»

И ответили ему предки: «О, преуспевающий, ты желаешь спасти нас. У нас тоже, о, сын, есть плоды подвигов, но вследствие утраты потомства мы низвергаемся в нечистый ад. Мы, риши, соблюдавшие суровый обет. Наши заслуги, достигнутые при помощи подвигов, еще не иссякли, ибо у нас все еще остается нить. Но у нас теперь только одна нить, да и та такая, как будто ее нет. Есть в роду у нас один родственник Джараткару, несчастнейший из несчастных. Он полностью изучил Веды, обуздал свою душу. Он великодушен, усердно соблюдает обет и занят великими подвигами. Но нет у него ни супруги, ни сына и никакого родственника. Поэтому мы, лишённые рассудка, висим в яме как беззащитные. Стебель травы, на котором, как ты видишь, мы держимся, — был нашим родовым стволом, увеличивавшим наш род. А корни этого ползучего ра-

стения — это наши потомки, съеденные временем. А крыса, которую ты видишь, — это Время, обладающее великою силой. Оно, медленно толкая, постепенно ослабляет нашего Джараткару, находящего радость только в подвигах, польщенного подвижничеством, малодушного и бесчувственного. Чтобы защитить нас, пусть он возьмет себе жену и произведет сыновей!..»

Григорий положил тяжелую книгу на край стола, и Маргарита, закончившая с посудой, обернулась к нему:

— Прочел?

— Угу.

Она погасила свет, и в это же время пламя свечи в подсвечнике нервно задергалось. Муж дунул — свеча погасла. Темнота плотно укрыла комнату, и только в проеме окна, в синей дымке, светились огоньки ночного города.

— Н-да... Любопытно... Это Верочка прочитала тебе еще в юности? Уже в те годы она думала о потомках?.. Правильно, конечно, девушка должна об этом думать. Но в то же время получается, что никакой духовной жизни не надо? Главное — размножаться?! А у Веры с Вадимом, похоже, нет сына?

— Есть. Единственный. Антон. Три года назад он ушел в монастырь и перестал общаться с родителями. Вернее, перестал общаться с отцом, а Вадим запретил Вере даже вспоминать о сыне... Вадим ведь сколотил состояние для наследника, ничего не пропускал, коли в руки плыло. И вот сейчас Вера с мужем живут на две страны, квартиры у них и в Москве, и в Германии, замок на Рублевке, дом в Сочи, отдыхают в Ницце, встречают Рождество в Вене. А сын свои монастырские стены за три года ни разу не покидал... Вот крыса-время и точит последний тонкий корешок...

— Н-да... От нечего делать в монастырь не уходят... Довели парня! Как говорится, это слишком неправдоподобно, чтобы быть придуманным. Но лучше скажи, чего ты-то весь вечер страдаешь?

Маргарита ответила не сразу.

— Гриша, ты помнишь, как у скифов выбирали друга? При свидетелях клялись и до конца дней они были одним целым! А я ведь на Веру всю жизнь губы дула. Даже ненавидела! Предательницей ее считала за то, что она моего горя в своем счастье не заметила. Тридцать лет на нее злилась. А сегодня поняла, что мне бы за Верочку все эти годы молиться нужно было! Какая страшная судьба: подумать только — мать лишили живого сына! Разве ей оно нужно — это богатство, если Вера призналась, что порой и не знает — кто она? Хозяйка, прислуга, приживалка?

Григорий, не зная, что ответить, прошаркал к мойке, зачем-то пустил воду, потом накрепко закрутил кран. И повернулся к жене — видно, додумал мысль:

— А здесь, Ритка, твоя правда. Любишь — надо прощать, вот такая штука.

Маргарита обреченно кивнула, сгорбилась:

— Любила, ревновала... И еще завидовала очень. Точно, завидовала!

Григорий тихонько обнял ее за плечи и коснулся губами уха: «Мать, ты уж на себя не наговаривай? И пойдём-ка спать. Поздно уже».

В передней послышались осторожные звуки, звяканье ключа, шарканье. Супруги переглянулись — ага, сын крадлся из гостей, боясь быть

услышанным родителями. Григорий с размаху кляцнул выключателем — ослепительный свет залил кухню, широким потоком захватив переднюю с застигнутым врасплох Максимом. После короткой немой сцены ребенок промямлил что-то в свое оправдание и под строгими родительскими взглядами поспешил было в постель.

— погоди! — Маргарита остановила его в дверях. — Что-то у тебя тут...

Ей так захотелось прикоснуться к нему! Быстрым движением она провела по щеке мальчика, поправила воротник рубашки, коснувшись цепочки с крестиком. Облегченно выдохнула:

— Извини, показалось... Ложись поскорей. Спокойной ночи!

Сама Маргарита долго не могла уснуть. Казалось, что кто-то еле слышно шуршит в углу, скребется, точно крыса...

